

Додонов, И. Ю.: **Истоки славянской письменности**. Москва, „Вече”, 2008. – 384 с. – (Тайны Земли Русской). – ISBN 978-5-9533-2837-1

До сих пор остается спорным вопрос о том, существовала ли письменность на Руси до принятия христианства. Предположения, выдвигавшиеся некоторыми учеными о древнем и самобытном происхождении письма на Руси еще в дохристианские времена, лишены убедительных доказательств. Имелись лишь единичные, окказиональные попытки графической фиксации особо важных сообщений с помощью „черт и резов” или букв из алфавитов других народов. Во всяком случае письменность на Руси получила широкое распространение только с массовым принятием христианства после 988 г.

Автор рецензируемой книги, которая является скорее научно-популярным изданием, предлагает, по его словам, новый оригинальный взгляд на происхождение славянской письменности. Вначале он задумывается над вопросами, как возникла письменность, как она развивалась, какими стадиями она прошла в своем развитии. Человечество не знало письма на протяжении большей части своей истории. Автор несколько отвлекается от славянского письма и уделяет внимание некоторым теоретическим вопросам, связанным с письмом вообще. Принято считать, что применение знаков для записи речи началось в IV тысячелетии до н. э. Эволюция письма пошла по следующему пути: *пиктография* (письмо в рисунках) – *идеография* (логография) – *силлабография* (слоговая система, отразившая фонетический и грамматический строй языка) – *консонантное письмо* (тип письма, при котором пишутся только согласные) – *буквенное письмо* (обеспечивает наиболее точную передачу звуков речи, грамматических форм). Из приведенного следует, что венцом развития письма является буквенное (буквенно-звуковое) письмо. Следует еще добавить, что вообще первый алфавит создали во II тысячелетии до н. э. финикийцы.

Автор книги не согласен с установившимся мнением, что славяне обрели сразу буквенно-звуковую (фонографическую) письменность (звукам – собственно фонемам – отвечают в сущности соответствующие графемы), созданную на основе греческого и латинского алфавитов, миновав предшествующие ступеньки развития. Как известно, в настоящее время восточные и южные славяне (за исключением хорватов и словенцев), далее многие народы бывшего Советского Союза пользуются алфавитно-буквенной системой, называемой азбукой. В ее основе лежит кириллица, один из двух первых славянских алфавитов. Кириллица, в свою очередь, восходит к греческому маюскульному письму; касается это 24 букв, а буквы, служившие для передачи типичных звуков славянского языка, были построены самостоятельно, с соблюдением единого графического характера кирилловского письма. Другим, по всей вероятности, вообще первым славянским алфавитом была глаголица, созданная Константином-Кириллом и отразившая отчасти влияние греческого минускульного письма, отчасти также письма еврейского, коптского, грузинского.

Как уже было сказано, письменность и письмо получили широкое распространение на Руси с X в. после принятия христианства при князе Владимире Святославиче. Первые и последующие литургические тексты были написаны преимущественно кириллицей, однако имеются доказательства того, что на Руси была известна также глаголица (ср. в этой связи глаголические „*Киевские листки*” великоморавского происхождения середины X в., сохранившиеся в Киеве). В течение XII в. у православных славян глаголица исчезает и единственным письмом у них остается кириллица; некоторое применение глаголица продолжает сохранять лишь в Хорватии и Далматии.

Еще в дописьменный период восточные и южные славяне пользовались греческой графикой, превращая ее в т. наз. протокириллицу. В начале X в. на ее основе учениками Мефодия во главе с Климентом Охридским на территории Болгарии была создана кириллица. Автор настоящей книги предполагает существование также протоглаголицы, развившейся будто бы

на примитивных „черт и рез”, опираясь на трактат IX в. „*О письменах*” черноризца Храбра; однако никаких прямых доказательств для этой гипотезы не имеется. Ее создание словенцы и хорваты приписывают по традиции св. Иерониму, жившему в IV в. н. э., однако автор настоящей книги не склонен его считать ни автором, ни переработчиком глаголицы или протоглаголицы. Но этой азбукой св. Иероним пользовался, видимо, для перевода Библии на славянский язык. На вопрос, какую азбуку создал Константин и когда ее создал, находим в книге в современной славистике нетрадиционный ответ: он создал и глаголицу, и кириллицу. Но в обоих случаях он создал лишь христианскую славянскую азбуку на основе уже существующей языческой славянской азбуки. В середине 50-х гг. IX в., после или во время его миссии в Болгарии, он создал глаголицу, а в 862–863 гг., готовясь к поездке в Моравию – кириллицу. В Моравии солунскими братьями как алфавит использовалась кириллица. Глаголица же применялась лишь в качестве тайнописи, которую помимо Константина и Мефодия знали также их ученики. После смерти Мефодия в 885 г. они перевели глаголицу из разряда тайнописи в ранг общепотребительного алфавита, надеясь, что отсутствие внешней схожести с греческим письмом уменьшит гонения на славянское письмо. После изгнания из Моравии в 886 г. ученики Мефодия принесли обе азбуки в Болгарию; там они получили возможность свободного развития. Часть учеников вернулась тайно в Моравию, продолжала дело своих учителей, работая уже только с глаголицей.

Автор предлагаемой работы полагает, что протоглаголица и протокириллица – это лишь два варианта из существовавших когда-то нескольких типов славянского письма. Они явились своего рода завершающим этапом эволюции некоторых бытовавших у славян письменных систем: *слогового письма, рун*, письма типа „*черт и резов*”.

В книге анализируется, между прочим, вопрос существования у славян *слогового письма*. Большинство ученых относится к этой проблеме скептически. Основной их тезис таков: „Славянский язык – язык флективный. И поэтому он слишком сложен для записи его какой бы то ни было слоговой письменной системой” (см. с. 356). Однако в конце 40-х – начале 60-х гг. XX в. группа советских ученых выступила с мнением, что несмотря на сложности передачи славянской речи посредством слоговой письменности ничего принципиально невозможного в этом нет. В 80-х – 90-х гг. прошлого столетия эту идею восприняли и успешно развили двое российских ученых – Г. С. Гриневич и В. А. Чудинов. Оба они реконструировали славянские силлабарии, оба дешифровали на их основе тексты. Живыми остатками слоговой письменности в современном русском языке они считают существующие правила переноса, слоговую организацию современного русского письма (ср. йотированные буквы *я, ю, е, ё*), слоговую организацию чтения (т. наз. чтение по складам, т. е. по слогам). Оба ученых считают, что славянский силлабарий послужил определенной базой для буквенных письменных систем славян – протокириллицы и протоглаголицы. По мнению автора настоящей книги, слоговое славянское письмо наряду со славянскими рунами стало источником и для протокириллических азбук.

Не в меньшей степени ставится большинством ученых под сомнение существование *рун* у славян. Этому содействует разразившийся в прошлом скандал в связи с открытием поддельного характера ряда ретринских древностей (коллекция польского князя Яна Полоцкого, оказавшаяся фактом подложности). Руны и рунические надписи – знаки древнейшего германского алфавита, высекавшиеся или вырезавшиеся на камне, металле, дереве, кости. Состав алфавита и начертание рун менялись с течением времени. Различаются старший рунический алфавит (т. наз. футарк) и младший рунический алфавит (или же датские руны). Их происхождение окончательно не выяснено. Рунические надписи (футарк) чаще всего состоят из одного или нескольких слов. Надписи, выполненные младшим алфавитом, состоят обычно из нескольких слов. В наши дни небольшая группа российских ученых (А. Платов, Г. С. Гриневич, В. А. Чудинов, А. И. Асов) склоняется к тому, что хоть некоторые памятники, содержащие славянские

рунические знаки, безусловно подлинны. В частности, подлинными, по их мнению, являются руны Древней Ретры. А. И. Асов полагает, что славянская руника имеет две разновидности: северную и южную. Северные руны славян схожи с германскими, что говорит о возможности заимствования славянами этих рун у германцев. Данная письменность и у германцев, и у славян могла происходить из общего источника. Мог иметь и обратный процесс заимствования, так как слово „руны” – слово славянское. Южные славянские руны происходят от пеласгийской письменности, т. наз. пеласго-фракийской руники. По мнению автора предлагаемой работы, истоки северной и южной славянской руники едины. Это именно пеласгийское письмо, и он предполагает, что пеласгийская письменность носила слоговой характер.

Самостоятельная глава в настоящей книге посвящена памятнику славянского письма, написанному руникой, сочетающей черты северной и южной. Это „*Боянов гимн*”. Большинство исследователей считает его подделкой, возникшей в первом десятилетии XIX в. Фальсификатором считается А. И. Сулакадзев. Однако автор рецензируемой работы стоит на позиции подлинности этого памятника. Он объясняет, что источником его получения могла стать коллекция русского дипломата во Франции П. П. Дубровского, который в период Великой французской революции вывез из Франции множество ценнейших книг, спасая их от уничтожения. Среди них, между прочим, была библиотека Анны Ярославовны, русской княжны и французской королевы. Часть рукописей должна была перейти из коллекции П. П. Дубровского в коллекцию А. И. Сулакадзева. „*Боянов гимн*” был в их числе. Считается, что данный памятник относится к IV в. н. э. Повествует о борьбе с готами. Именуется „*Бояновым гимном*” по той причине, что сложен древним русским песнопевцем Бояном, о чем имеется упоминание в самом тексте памятника. Оригинал памятника до нас не дошел. Коллекция древних книг после смерти А. И. Сулакадзева была распылена, а значительная часть оказалась утраченной. В настоящее время остатки находятся более чем в двадцати пяти коллекциях, разбросанных в разных хранилищах России и за рубежом. В описании А. И. Сулакадзева в списке „*Боянова гимна*”, изготовленного для Г. Р. Державина, он должен был выглядеть следующим образом: рукопись свитком на пергамене, писана вся красными чернилами, буквы рунические и самые древние греческие. По мнению А. И. Асова, руны „*Боянова гимна*” схожи с пеласго-фракийским руническим письмом. Поэтому А. И. Асов делает вывод о промежуточном положении, которое занимает бояновица между северным и южным типом славянской руники. Доказательства подлинности данного памятника представляют, по мнению автора, сравнительно высокая степень сходства бояновских рун у рун Ретры, далее особенность орфографии и грамматики, согласующиеся с особенностями более поздних славянских рукописей.

Не менее жаркие научные дискуссии насчет подлинности ведутся вокруг „*Велесовой книги*”. Она будто была найдена в 1919 г. в одной из усадеб под Харьковом полковником Белой армии Ф. А. Изенбеком, который вывез ее за границу (в Бельгию). Там с ней познакомился другой русский эмигрант, также бывший белогвардейский офицер Ю. П. Миролюбов. Он изучал и копировал памятник. В годы Второй мировой войны „*Велесова книга*”, представлявшая собой деревянные дощечки, на которых острым предметом с обеих сторон был процарапан текст, бесследно исчезла. Таким образом, описание дощечки, сделанное Ю. П. Миролюбовым, является единственным источником, по которому можно судить о внешнем виде памятника. Первые сообщения о памятнике появились в печати только в конце 1953 г. в эмигрантском журнале „*Жар-птица*”, выходящем в Сан-Франциско под редакцией ученого-эмигранта, ассириолога А. Куренкова; благодаря ему появилось современное название этого памятника – „*Велесова книга*” (сначала оно имело название „*Влесова книга*”). Ее исследователи конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. (А. И. Асов, Б. Яценко, Р. Пешич, Ю. К. Бегунов) стали использовать полногласную форму славянского бога „Велеса”, полагая это более правильным. Таким образом, памятник стал называться „*Велесова книга*” или „*Книга Велеса*”.

Однако уже с момента ее находки видные ученые (В. В. Виноградов, Л. П. Жуковская, Б. И. Осипов и др.) вынесли вердикт, что данный текст подделка. Долгое время считали его автором-фальсификатором А. И. Сулукадзева (подобно тому, как в случае „*Боянова гимна*”). Они выступали с целым рядом доводов (начиная с материала, на котором была зафиксирована „Книга”, и заканчивая ее алфавитом, языком и содержанием), указывающих на то, что речь идет о фальсификате. Но в книге встречаемся со стремлениями опровергнуть эти критические замечания и упрекать критиков в незнании обстоятельств. На вопрос со стороны противников подлинности, почему „*Велесова книга*” трактует известные события по-другому, автор книги отвечает, что эти трактовки как раз говорят о подлинности памятника; наоборот, если бы „*Велесова книга*” была подделкой, то фальсификатор избегал бы трактовок этих же событий, известных по другим источникам. Со стороны критиков указывается на запутанность, сложность и противоречивость хронологии исторических событий. В этом как раз автор усматривает подлинность дощечек. По его словам, они представляют живой, многослойный памятник (свод), в который вошли записи, делавшиеся на протяжении многих лет, а, может быть, и нескольких веков, разными людьми. Фальсификатор не смог бы, мол, создать подобную хронологическую путаницу. Он уверен в том, что „*Велесова книга*” не подделка, а подлинный исторический источник.

В конце книги помещены выводы. Главным выводом своего изложения автор считает тот факт, что славянская письменность гораздо старше, чем принято обычно думать; она имеет многотысячелетнюю историю.

После выводов следует список первоисточников и список литературы, относящейся к описываемой проблематике. В самом конце книги находится содержание.

Алеш Бранднер

Янович, Е. И.: Русский язык в историческом освещении. Учебно-методическое пособие. Минск, БГУ, 2009. — 223 с. ISBN 978-985-518-212-3

В предлагаемом учебно-методическом пособии рассматривается историческое развитие русского языка с научно-популярной точки зрения. Автором пособия является профессор кафедры русского языка Белорусского государственного университета Е. И. Янович. Пособие предназначено студентам высших учебных заведений, а также учителям-словесникам средних школ, колледжей, лицеев и гимназий для подготовки к олимпиадам, организации исследовательской работы учащихся или для развития лингвистического мышления.

В «*Предисловии*» (с. 3–4) автор отмечает, что русский литературный язык складывался постепенно, в течение многих веков. Развитие русского литературного языка принесло большой ряд очевидных и невидимых изменений, которые могут быть выявлены и поняты только при условии изучения истории русского языка. Автор пособия предполагает, что целый ряд положений, рассматриваемых в книге, может быть включен в школьные учебники русского языка для старших классов России и Белоруссии.

«*Введение*» (с. 5–38) делится на шесть глав. В первой главе «*Язык как общественное явление*» (с. 5–6) дается сжатое объяснение понятия язык, причин его развития и распространения, функций языка и его разделения. Во второй главе «*Язык—Речь—Письмо*» (с. 6–17) рассматриваются две разновидности языка, речь и письмо. В особом разделе приведено описание возникновения письма и его типов. В дальнейшем рассматривается происхождение славянской письменности, которая связана с деятельностью выдающихся вероучителей Константина Кирилла и его брата Мефодия. В третьей главе «*Литературный язык и языковая норма*» (с. 17–19) объясняется понятие кодификации, т. е. нормирования языка. Автор отмечает, что необходимо различать литературный язык и язык художественной литературы, так как язык